Год издания XV
Цена номера — 40 коп.

КРОКОДИЛ

№ 32 НОЯБРЬ
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА 1936

VIII ...езд ...ветов!

Спасибо товарищу Сталину за счастливую жизнь!

...да здр... Сталинская конституция

Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее!

МАРАТ

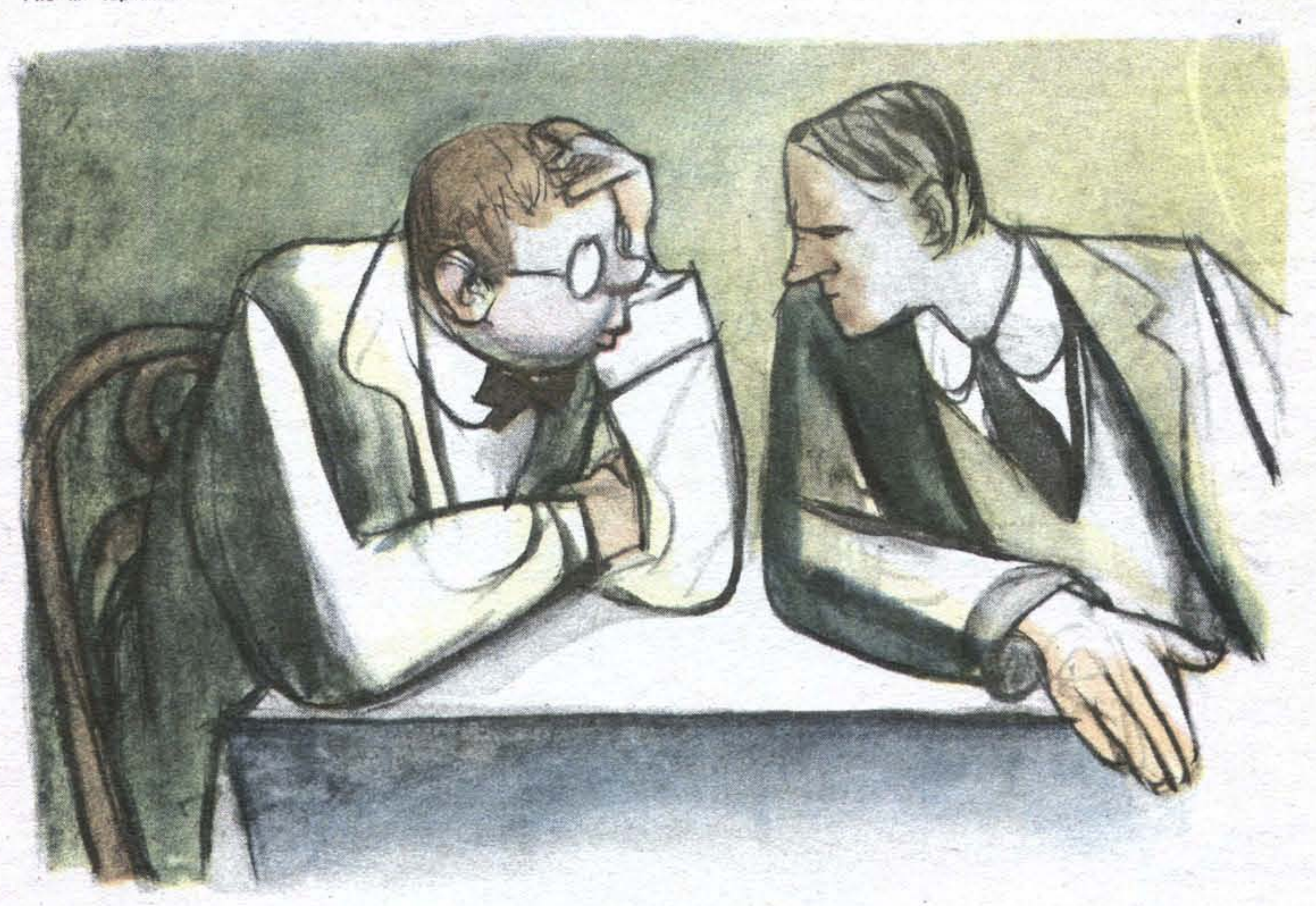
Лет до ста расти
нам без старости.
Год от года расти
нашей бодрости.

(Владимир Маяковский)

Рис. Л. Генча

ЯСНОСТЬ ВНЕСЕНА

Рис. М. Черемных

— Я—и вдруг не попадаю на с'езд!.. Ну, кто бы мог об этом подумать?!
— Избиратель.

НЕТАКТИЧНО ПОСТУПИЛИ

Люди рассказывают о таком забавном фактике, происшедшем у нас в Ленинграде.

Причем это точный факт, а не выдумка или там какой-нибудь полет творческой фантазии.

Речь идет о двух приезжих иностранцах.

Как известно, этой осенью в Ленинграде был громадный наплыв иностранцев. Приезжали на кораблях целые ватаги американцев, англичан, шведов и так далее.

Ну, естественно,— морской порт, и им, может быть, удобно.

Образ жизни туристов не вызывал у нас удивления. Они ездили на машинах осматривать острова. Посещали музеи, где глядели картины и все, что там есть. И сидели в ресторанах, с апетитом кушая икру, балык и прочие северные деликатесы.

Ну, конечно, некоторые из туристов, как говорится, шлендали по комиссионным магазинам, закупая там всякую всячину, надеясь зацепить из барахла что-нибудь исключительно ценное, какую-нибудь там реликвию XIX века или что-нибудь в этом роде. Они покупали там идолов, фарфоровых болванчиков, статуэтки и всякие там штучки-мучки разных столетий.

Многие из них имели манию приобретения, другие любили посещать антикварные магазины, видя в этом цель жизни и служение красоте. Третьи, наоборот, приобретали с тем, чтобы у себя на родине, как говорится, спекульнуть.

Это был, так сказать, капиталистический мир с его разнообразными представителями.

Но каково же было удивление, когда два иностранца, одетые очень вычурно и, я бы сказал, тонно, вошли однажды в самый обыкновенный магазин «Гастроном», где происходила продажа обыкновенных колбас, масла и так далее.

Это всех удивило.

А они вошли в магазин и, раскрыв какую-то книжечку (может быть, самоучитель), обращаются к продавцу, еле говоря по-русски:

— Любезьная особа, отвесь, голюбьчик, масьло.

Но так как эти слова они прозносят мужчине, то он обижается, но видя перед собой туристов, любезно отвечает:

— Сию минуту, милорды, приступаю к этой операции, только отпущу одну гражданку.

И, отпустив покупательницу, снова обращается к ним, дескать, сколько вам масла и какого: парижского или с солью.

Те, поглядев в самоучитель, говорят:

— Любезьная особа, отвесь нам, голюбушька, пиять кило масьло.

Продавец начинает энергично резать масло, но один из приезжих говорит:

— Милль пардон! Не пиять кило, а десять, любезьная особа...

Продавец говорит:

— Так бы сразу и мычали, что десять. Я бы вам одним куском отвернул.

И снова начинает резать масло.

Тогда другой иностранец обращается к продавцу:

— Я желает получить больше масьло. Мне нужно масьла сто восемь кило. Можно ли, любезная особа, получить у вас такое количество?

Продавец говорит заведующему:

— Вон сколько они хотят.

Заведующий говорит:

— Отпустите им столько и даже больше, хоть целую тонну, а если не хватит, то я сейчас велю со склада доставить.

Продавец говорит туристам:

— Платите, милорды, в кассу 1832 рубля. Сейчас провернем эту операцию.

И он начинает вращать бочонки с маслом.

Целая толпа посетителей собирается у прилавка, чтобы видеть, как туристы поволокут свое масло.

Вдруг заведующий говорит:

— Позвольте, но где же эти иностранцы?

Некоторые из посетителей говорят:

— Они сейчас тут вертелись, и вот их теперь нет.

Тут все видят, что иностранцев, действительно, нет в магазине.

И кассирша кричит: денег они не платили.

Тогда заведующий, усмехнувшись, говорит:

— Это абсолютно ясно. Они хотели поглядеть, свободно ли у нас в стране продается масло и можно ли приобрести такое количество в одни руки. И, убедившись, что можно, они теперь скрылись, поскольку они интересовались не покупкой, а политикой.

Тут среди покупателей начался смех. Некоторые начали острить, дескать, купило притупило.

А продавец, вращавший бочонки, отчасти даже рассердился.

Он выбежал за двери магазина и крикнул:

— Нетактично, господа, поступаете!

А один из посетителей, выбежавший из магазина вместе с ним, закричал:

— Эй вы, стрикулисты!

Заведующий не позволил больше кричать вслед иностранцам и велел продавцу встать за прилавок.

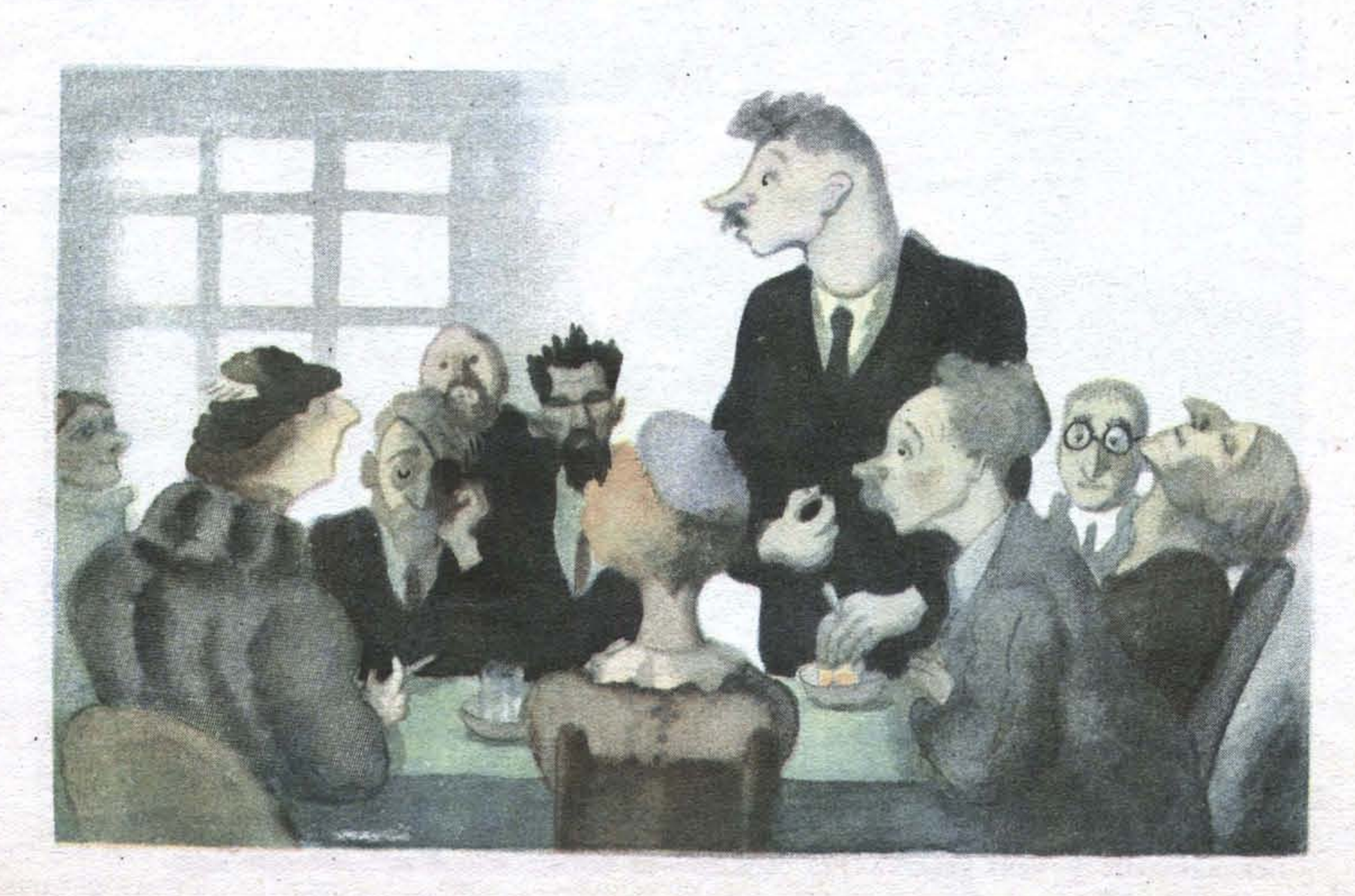
Тут среди покупателей снова начались шутки и остроты насчет несостоявшейся покупки.

Потом все успокоилось, и жизнь в магазине потекла нормально.

МИХ. ЗОЩЕНКО

ПУСТЯК

Рис. Н. Радлова

— Исключить моего Колечку за такой пустяк, как разбитое стекло? И добро бы еще за большое, оконное, а то за махонькое—в учительских очках!

ТРУДНОСТЬ ОБУЧЕНИЯ

Рис. М. Черемных

— Непонятливые у меня ученики. Раз об'яснил—не поняли, второй раз об'яснил—опять не поняли, третий раз об'яснил—сам, наконец, понял, а они все еще не понимают!

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Когда Паромовы с'ели холодную курицу и израсходовали небогатые запасы не очень свежих анекдотов, ехать стало скучно. А тут еще пошел дождь, и холодные капельные улитки медленно поползли по стеклам вагонного окна.

— Кто куда, а я — на боковую,— потянувшись, сказал Паромов.— Сюся, иди зови проводника, пусть приготовит постели.

Сюся, наследный принц династии Паромовых, сопя, слез с дивана и, гордый ответственным поручением, убежал. Вскоре он вернулся в сопровождении черноусого бравого проводника с веселыми карими украинскими глазами.

Проводник быстро и ловко постелил все четыре постели, получил деньги, выписал квитанцию, сказал: «Спокойной ночи, граждане» — и вышел.

— Какое интеллигентное лицо у проводника,— сказала Елена Петровна, жена Паромова.

— Очень приятное лицо,— откликнулась старушка Мария Герасимовна, ее мать.

— А главное, он страшно на кого-то похож,— заключил Паромов,— на известного какого-то человека... Вот память — не могу вспомнить на кого!

Помолчали.

— На известного какого-то человека,— пробормотал Паромов,— нето на полководца знаменитого, нето на писателя. Вертится в голове, а вспомнить не могу... Сюся, ну-ка скажи, каких ты знаешь знаменитых полководцев с усами?

— С усами, папа? Буденный.

— Нет, из старых. Из истории.

— Из истории? Чапаев.

— Вот заладил. Из той истории, из древней, с царями которая.

— С царями я не знаю,— растерянно сказал Сюся,— с царями мы еще не проходили... Александр Македонский не подойдет, папа? Его даже Чапаев хвалил. Очень знаменитый полководец и как раз древний.

— Александр Македонский без усов. Они все тогда бритыми ходили и в простынках, вроде банщиков. Давай следующего.

— Наполеон Буонапарте, знаменитый полководец,— сказала старушка Мария Герасимовна.

— Наполеон, Мария Герасимовна, как родился без усов, так и помер без усов.

— Разве? Пардон, забыла. Тогда Кутузов.

— Вы что, смеетесь надо мной, Мария Герасимовна? Кутузов никогда не носил усов. Усатых давайте, усатых... Вот чорт, ну прямо так и вертится в голове.

— Петя, ложись спать, утром вспомнишь,— примирительно предложила Елена Петровна.

— Пока не вспомню, все равно не усну. Ты же меня знаешь, Лелечка. Лучше помогай мне вспоминать. Скобелев? Нет, не Скобелев. Жоффр? Нет, не Жоффр. Бетховен? Тьфу, это композитор, а не полководец!.. Пойду еще раз на него посмотрю, может, тогда вспомню.

Когда Паромов вернулся в купе, женщины и Сюся уже лежали и делали вид, что сладко-сладко спят. Паромов присел на край диванчика и попытался прогнать мысль о проводнике, похожем на знаменитого полководца. Но не тут-то было! Мысль жужжала и кружилась в паромовской голове назойливая, как слепень в конюшне.

— Леля, ты спишь? — тихо сказал Паромов жене.— Мне кажется, что он, скорее, на знаменитого писателя похож.— Ради бога, напомни мне, какие есть усатые писатели.

— Дайте людям покой, Петр Васильевич,— вдруг сердито сказала старушка Мария Герасимовна,— Жорж Занд, кажется, с усами.

— С вашего разрешения Жорж Занд — дама и притом безусая. Спите лучше, Мария Герасимовна, чем глупости говорить.

Старушка Мария Герасимовна обиделась и повернулась к стенке.

— Степан Степанович, писатель, с усами,— неопределенно улыбаясь, сказала жена Паромова.

— Вечно ты со своим Степан Степановичем! Какой же он писатель?!

— Книжка у него членская писательская, я сама видела.

— Кроме членской книжки у него других книжек нет. Кроме того у проводника лицо в сто раз умнее и выразительнее, чем у твоего Степана Степановича. Ты мне лучше из классиков давай. Из классиков многие усатые.

— Классики не усатые, а бородатые,— наставительно сказала старушка Мария Герасимовна.— Например Лев Толстой — уж такой классик, что дальше некуда. И с бородой!

— Но у него-то бороды нет!

— У кого, у него?

— У проводника!

— А, может, если ему привязать бороду, он как раз и будет похож на Льва Толстого.

— Этак и вы, Мария Герасимовна, если вам бороду подвязать, сойдете за Толстого. В темноте!

Старушка Мария Герасимовна снова обиделась и замолчала.

— Лермонтов! Лермонтов! — захлопала в ладоши Елена Петровна,— Лермонтов — классик с усами! Ей богу, Петя, он похож на Лермонтова.

— На Лермонтова? Н... нет. Хотя, обожди. Я сейчас схожу проверю.

Вернулся Паромов через полчаса расстроенный и злой.

— Минут двадцать около уборной стоял, ждал. Вышел он, смотрю: нет, не Лермонтов. Знаешь, Лелечка, что? Может, он не на писателя похож, а на композитора? Давай, котик, вспомним, какие были усатые композиторы.

Стали вспоминать усатых композиторов. Потом усатых художников.

— Этот, кажется, с усами, который убивает своего сына,— сказала старушка Мария Герасимовна.

Паромов холодно пожал плечами:

— Не знаю такого усатого художника, который убивает своего сына. Бородатый Иван Грозный — да, этот, действительно, убивает. Вы, наверное, Репина имели в виду, Мария Герасимовна?

— Его.

— Непохож он на Репина. Дальше давайте.

К трем часам ночи женщины, утомленные трудными воспоминаниями, сдались и уснули. Попытался уснуть и Паромов. Но не прошло и часа, как он уже сидел на диване и, сжав голову руками, нервно бормотал, уставившись в одну точку:

— Вот напасть! Может, он на критика знаменитого похож? Белинский? С бородой. Чернышевский? С бородой. Добролюбов? Без усов. Тьфу, чорт! Критики не годятся. Придется знаменитых ученых перебирать.

Громыхая на стыках рельсов, поезд плавно подкатил к перрону Харьковского вокзала.

— Пойду, покурю, освежусь,— решил Паромов, накинул пальто и вышел.

А через десять минут он сидел на диване жены и счастливым шопотом говорил:

— Леля! Лелечка! Проснись, котик, на минутку.

— Ммм... Отстань! Я спать хочу.

— На одну минуточку, Лелечка. Это же прямо замечательно! Ты знаешь, на кого он похож?

— Ммм... Отстань!.. Неужели все-таки на композитора?

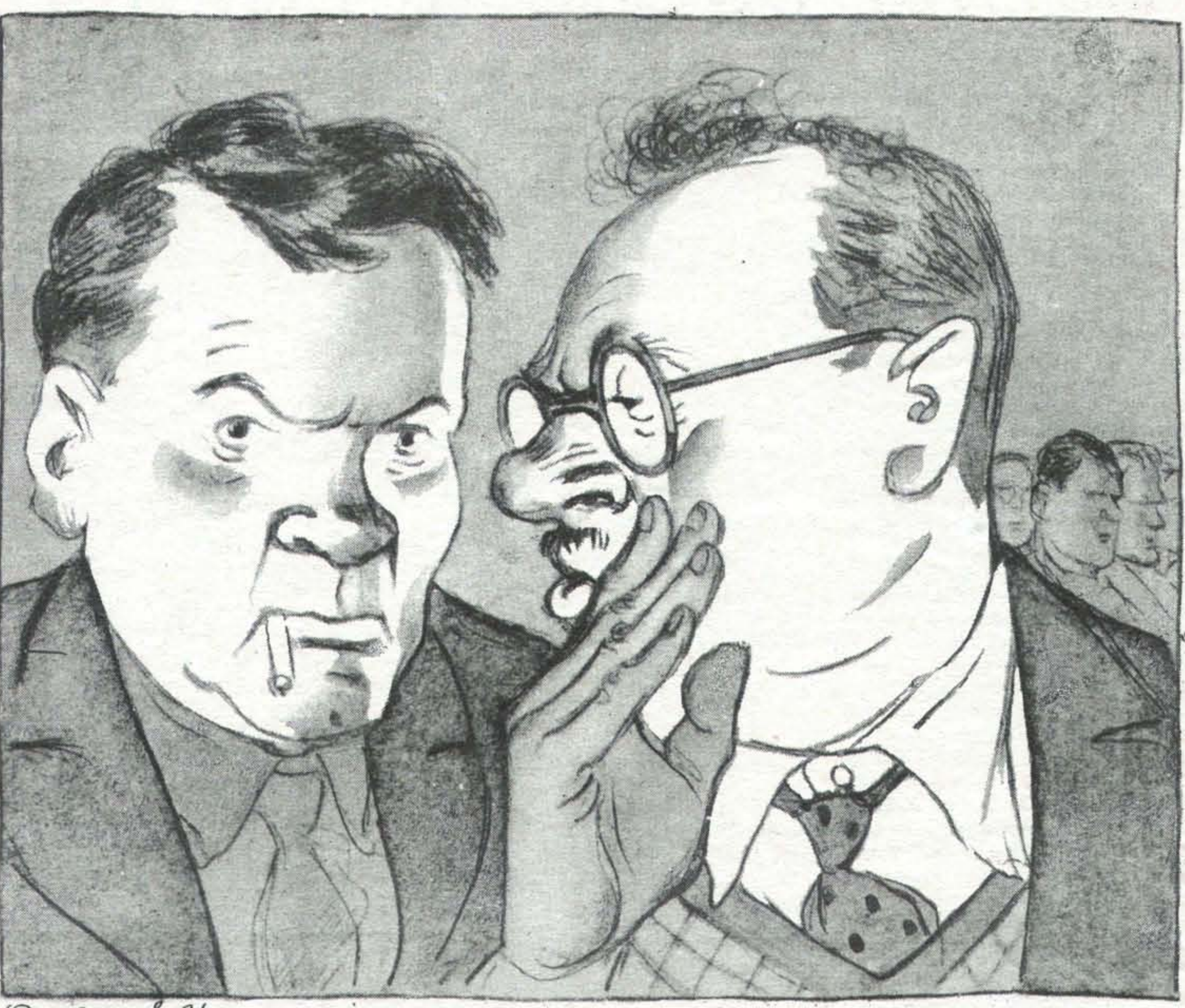
— Да, нет! Он на самого себя похож. Прямо, как две капли воды. Я сейчас вышел на перрон, гляжу: он стоит в парадном кителе и на груди орден. Я как глянул, так сразу и вспомнил. Его портрет во всех газетах был напечатан. Нестеров его фамилия. Знаменитый кривоносовец-проводник Нестеров. Полководцы и писатели, выходит, тут непричем. Он, выходит, сам себе предок. Зря мы с тобой трудились... Ух, чорт, как гора с плеч!..

Когда ударил второй звонок, Паромовы уже спали блаженным сном хорошо поработавших людей.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПРОКЛЯТАЯ ПАМЯТЬ

Рис. Бор. Ефимова

— Как фамилия этого парня, что подал заявление в партию?
— Иванов.
— Ах, да, вспомнил! Ведь я ему как раз вчера написал рекомендацию.

УСЛОВНЫЙ РЕФЛЕКС

Нами замечено, что в художественной литературе описываются главным образом события или текущего момента или прошлого времени. Мы решили нарушить своими слабыми силами это железное правило.

Вот перед нами стойкий товарищ Перетыкин, Федор Васильевич. Мы ни слова не скажем о его настоящей деятельности. А также не сделаем ни малейшей попытки коснуться каких-либо замечательных случаев из его плодотворной работы как в недалеком, так и равно в далеком прошлом.

Мы вам расскажем несколько интересных эпизодов из ближайшего будущего товарища Перетыкина, Федора Васильевича. Действие происходит этак месяцев через шесть после напечатания в журнале этого нашего маленького рассказа.

У читателя могут возникнуть законные сомнения: почему автор этих строк несмотря на свою молодость и жизнерадостность скатился на скользкий путь пророческих высказываний?

А дело вот в чем, дорогой читатель. Мы слишком хорошо знаем характер нашего уважаемого героя.

●

Итак, май 1937 года.

Весна в разгаре. И вот в то время, когда с гор сбегают ручьи, а в лесной чаще чирикает мелкая птичка, сидит в своем кабинете товарищ Перетыкин, Федор Васильевич. А на столе, предположим, стоит стакан недопитого холодного чая.

Федор Васильевич сидит, а перед ним волнуется некая малозаметная гражданка.

Она говорит:

— Прошу меня выслушать, товарищ директор...

А Федор Васильевич ей неизменно отвечает:

— Не мешайте работать, говорю вам русским языком.

Этот словесный поединок длится уже минут пятнадцать.

— Прошу меня выслушать, товарищ директор.

— Не мешайте работать, говорю вам русским языком.

Между прочим, люди типа Перетыкина подчеркнуто напоминают о «русском языке» только в тех случаях, когда хотят причинить кому-либо неприятность. Любимой женщине он в пылу об'яснения в любви не скажет: «Я вас крепко люблю, говорю вам русским языком». Не скажет он с ласковой улыбкой своему непосредственному начальнику: «Вы сделали прекрасный доклад, говорю вам русским языком». Но зато он непременно крикнет: «Выйдите из моего кабинета, говорю вам русским языком!!!»

Но не будем отвлекаться всторону. Перейдем опять в кабинет товарища Перетыкина. Гражданка посетительница упорно наседает и все просит ее выслушать. Федор Васильевич выходит, наконец, из терпения. Он нажимает черную кнопку электрического звонка — появляется хорошо причесанный секретарь, которому дается категорическое предписание—освободить директорский кабинет от назойливой женщины.

Гражданка уже у самых дверей оборачивается и, глядя в упор на разгневанного начальника, спокойно говорит:

— Вы сухой чиновник, бюрократ. Я на вас буду жаловаться!..

Сказала и ушла. Вот и вся история с этой посетительницей. Словом, мелкий безобразный факт или, скажем, незначительное явление в жизни нечуткого человека.

Мы бы, собственно говоря, и не касались этой избитой темы, если бы после ухода посетительницы главное действующее лицо нашего рассказа не совершило таких поступков, о которых умолчать мы не имеем никакого права.

«Бюрократ?!. Она будет жаловаться?!»

Федор Васильевич вне себя.

— Сухой чиновник... Сухой... Что же это такое делается? Любая неизвестная посетительница может бросить мне, ответственному лицу, такие оскорбительные слова! При исполнении служебных обязанностей! Кривцову она бы не посмела это сказать. Терентьеву тоже. А от чего все это происходит? Очень просто. Местные руководящие огранизации до сих пор не позаботились о создании мне авторитета. Работаешь как лошадь, а авторитета никакого.

Федор Васильевич с раздражением срывает телефонную трубку.

— Станция! Алло! Дайте кабинет Савкова. Петр Савельич? Это я, Петр Савельич. Перетыкин. Здоров! Я вот о чем. Трудно, знаешь, работать. Нет условий. Сейчас об'ясню. Понимаешь, мне это ненужно. Но для пользы дела. Надо как-то поднять мой авторитет в городе. Ну, скажем, почему бы меня не кооптировать в городской совет? А? Что? Чего ты смеешься? Тут нет ничего смешного. Я говорю не о себе, а о деле. Что?.. Ах, да! Знаю, всеобщие, равные, прямые... Ах, да! И тайные, конечно. Извини, я как-то обо всем этом забыл. Понимаешь, когда я работал в Сергиевском, там меня всюду кооптировали...

Федор Васильевич нервно ходит по кабинету и думает, на ком бы сорвать свой гнев. Сухой чиновник... А вчера в стенной газете какой-то Апанасов дерзнул написать о перерасходах. Мелкая сошка, а тоже смеет писать о Перетыкине. Авторитета нет! Вот в чем дело — авторитета нет!

Перед ним секретарь.

— Кто этот Апанасов?

— Счетовод.

— Как бы его того... Ну, уволить.

— Прекрасный счетовод. Незачто.

— Как это незачто? Кто его отец?

— Нельзя. Сами знаете, сын за отца...

— То есть как? Почему? Что такое делается в этом городе?

— Нынче это повсюду. Согласно новой...

— Ах, да! Все забываю. Да не учите меня, пожалуйста. Сам знаю. Можете идти. Что вы стоите как болван?

— Просил бы не ругаться. Не имеете права унижать достоинство советского гражданина. (Уходит.)

— Ах, да! Все забываю. Все предусмотрено: и достоинство и все прочее. А как же мне быть с моим авторитетом? Что поделаешь?

Ходит товарищ Перетыкин, Федор Васильевич, по своему кабинету и нервничает. А на улице май 1937 года, весна, зелень, с гор набегают ручьи, а в зеленой чаще леса поют птицы что-то такое веселое, радостное, что смеяться хочется...

Г. РЫКЛИН

ШУМНО В ДОМЕ ДЕПУТАТА

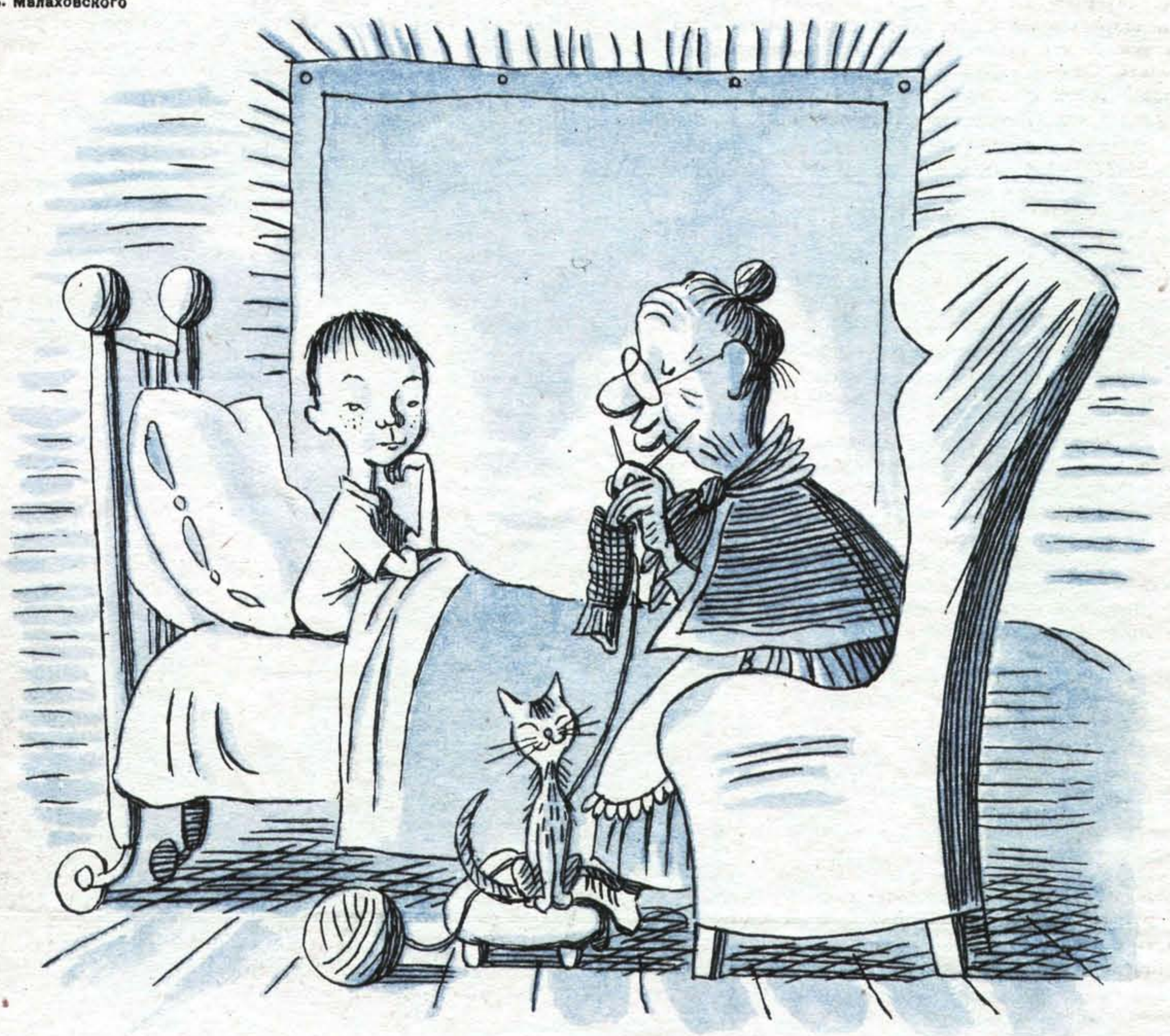
Рис. Л. Генча

— Чего ты плачешь?
— Я этими бумажками всегда играю, а папка у меня отня-а-л!..

СКАЗКИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Рис. Б. Малаховского

— . . . И вот сразу же в новом доме поселился домовой...
— Ничего подобного, бабушка. Ты не знаешь порядка. Раньше всего должны были в‘ехать члены правления и ревизионной комиссии.

СПИ СКОРЕЕ

Откровенно говоря, я не люблю путешествовать. Меня останавливает вопрос, где остановиться и переночевать.

Из ста случаев мне только два раза удалось в гостинице комнату зацепить.

И то в последний раз я получил номер отчасти случайно. Они меня не за того приняли. Потом-то на другой день они, конечно, спохватились и хотели меня вышибить, но я и сам уехал.

А сначала любезность их меня удивила.

Портье, нюхая розу, сказал:

— Только осмелюсь вам сказать, ваш номер будет с дефектом. Там у вас окно разбито. И если, допустим, ночью кошка в ваш номер прыгнет, так вы не пугайтесь.

Я говорю:

— А зачем же кошка будет ко мне прыгать? Вы меня удивляете.

Портье говорит:

— Видите, там у нас в акурат на уровне окна выгребная яма, так что животные не разбираются, где чего есть, а прыгают, думая, что это продолжается то же самое.

Конечно, когда я вошел в номер, я всецело понял психологию кошек. Они смело могли не разобраться в действительности.

Вообще говоря, номер «люкс» мне ненужен, но эта грязная коморка с колченогим стулом меня немного покоробила.

Главное меня удивило, что в комнате была лужа.

Я стал звать кого-нибудь, чтоб это убрать, но никто не пришел. Тогда я разговорился с портье.

Он говорит:

— Если у вас имеется лужа, то, наверно, я так думаю. кто-нибудь там воду опрокинул. Сегодня у меня нет свободного персонала, но завтра я велю эту лужу вытереть, тем более, что к утру она, наверно, и сама высохнет.

Я говорю:

— Потом номер уж очень жуткий. Темно, и из мебели всего стул, кровать и какой-то ящик. Конечно, говорю, разные бывают гостиницы. Недавно, говорю, в Донбассе, а именно в Константиновке, я заместо одеяла покрывался скатертью...

— До скатертей мы не доходим, — сказал портье, — но заместо пододеяльников у нас, действительно, положены детские пеленки. А что касается темноты, то, конечно, вам не узоры писать. Спите скорей, гражданин, и не тревожьте администрацию своей излишней болтовней.

Я не стал с ним спорить, чтобы не разгуляться, и, придя в номер, разделся и юркнул в кровать.

Но в первую минуту я даже не понял, что со мной. Я, как на горке, с’ехал вниз.

Я хотел приподняться, чтоб посмотреть, какая это кровать, что на ней так удобно с’езжать. Но тут запутался ногами в простыне, в которой были дырки. Выпутавшись из них, я зажег свет и осмотрел, на чем я лежу.

Оказалось, что начиная от изголовья продавленная сетка кровати устремлялись книзу, так что спящему человеку, действительно, не было возможности удерживаться в горизонтальном положении.

Тогда я переложил подушку в ноги, а под нее сунул свой чемодан и таким образом лег наоборот.

Но тут оказалось, что я не лежу, а сижу.

Тогда я в середину сунул пальто и портфель. И лег на это сооружение с намерением, как говорится, задать храповицкого.

И вот я уже стал дремать, как вдруг меня начали кусать клопы.

Нет, два—три клопа меня бы не испугали, но тут, как говорится, был громадный военный отряд, действующий совместно с прыгающей кавалерией.

Я поддался панике, но потом повел планомерную борьбу.

Но когда борьба была в полном разгаре, вдруг неожиданно потух свет.

В полной беззащитности я начал нервно ходить по номеру, ахая и причитая, как вдруг раздался стук в дощатую стену и грубый женский голос произнес:

— Что вы тут, чорт возьми, вертитесь в комнате, как подлец!

В первую минуту я остолбенел, но потом у меня с соседкой началась словесная баталия, которую даже совестно передать, поскольку, сгоряча и нервно настроенные, мы наговорили друг другу кучу самых архиобидных слов.

— Если я с вами, чорт возьми, когда-нибудь встречусь,— сказала мне под конец соседка,— то я вам непременно дам плюху.

Мне прямо до слез хотелось ей на это что-нибудь возразить, но я благоразумно смолчал и только швырнул в ее стену ящик, чтобы она подумала, что я в нее стреляю. После этого она замолчала.

А я, отодвинув от стены постель, взял графин с водой и сделал вокруг кровати водяное кольцо, чтобы ко мне не прилезли посторонние клопы. После чего я снова лег, предоставив свое, как говорится, бренное тело на волю божию.

Под адские укусы я уже стал засыпать, как вдруг за стеной раздался ужасный женский крик.

Я закричал соседке:

— Если вы нарочно завизжали, чтоб меня разбудить, то завтра вы мне ответите за свое нахальство!

Тут у нас снова поднялся словесный бой, из которого выяснилось, что к ней в кровать прыгнул со двора кот и она через это испугалась.

Дурак-портье, наверно, перепутал. Он именно мне обещал кошку, но у меня окно было целое, а у нее нет.

В общем я опять задремал. Но, настроенный нервно, я то и дело вздрагивал. А при вздрагивании всякий раз меня будила сетка от кровати, которая издавала зловещий звон, визжание и скрежет.

Начиналось утро. Я снял тюфяк с кровати и положил его на пол. Полное блаженство охватило меня, когда я лег на это славное ложе.

«Спи скорей, твоя подушка нужна другому»,— сказал я сам себе, вспомнив, что такой плакат висел в прошлом году в Доме крестьянина в городе Феодосии.

В эту минуту во дворе раздался визг электрической пилы.

В общем ослабевший и зеленый, я, с мыслями о праве на отдых, покидал мою злосчастную гостиницу.

Я решил, что моей ноги не будет в этом отеле и в этом городе. Но судьба решила иначе.

В поезде, отъехав сто километров, я обнаружил, что мне дали не мой паспорт. А так как это был дамский паспорт, то ехать с ним дальше не представлялось возможности.

На другой день я вернулся в гостиницу.

Конечно, мне было адски неловко встретиться с моей соседкой, которая тоже, оказывается, уехала и теперь вернулась с моим паспортом.

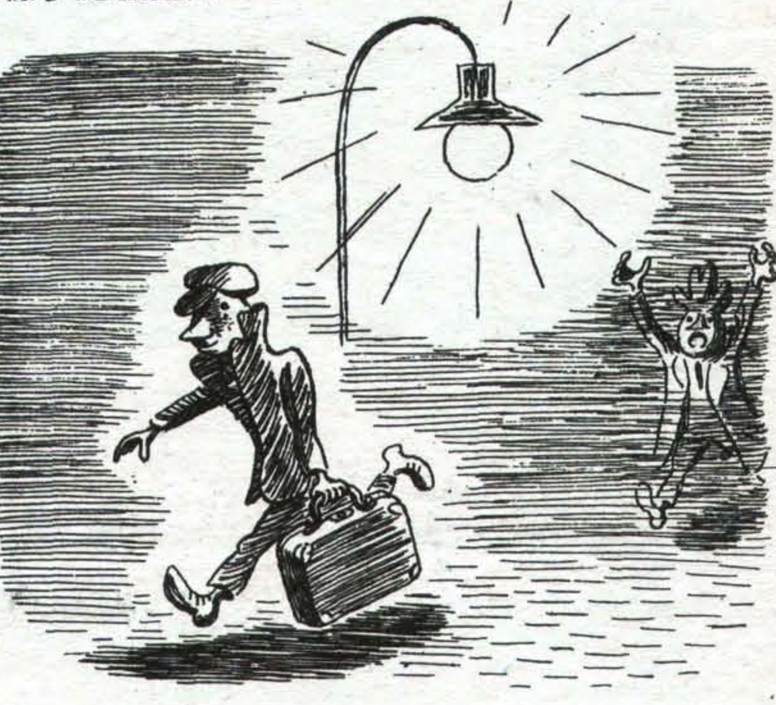
Это оказалась славная девушка, инструкторша по плаванию. И мы с ней потом мило познакомились и позабыли о ночной драме. Так что пребывание в гостинице все же имело известные плюсы. И в этом смысле путешествия иной раз приносят забавные встречи.

И я бы, например, всю жизнь путешествовал, если бы не гостиницы.

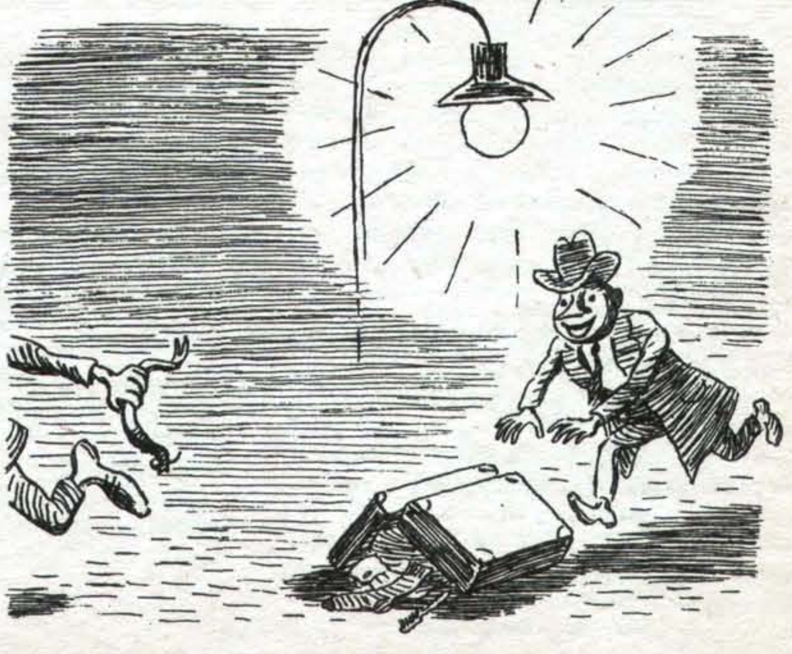
Заслуж. деят. М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

СПАСИТЕЛЬНЫЙ БРАК

Рис. Б. Малаховского

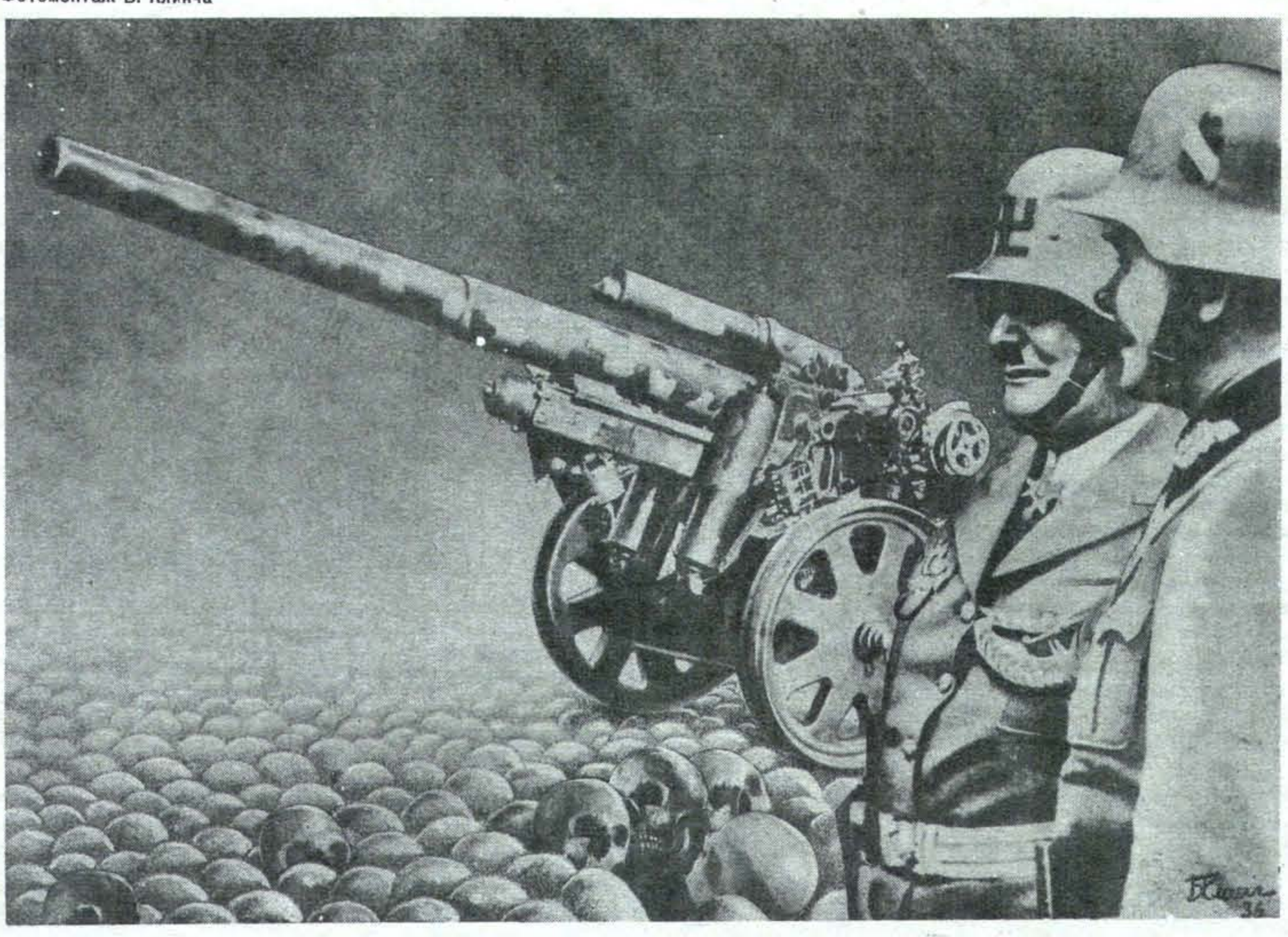

— Держи его! . . Украли!!. Вора держи!!!

— Фу, слава богу! Ручка помогла...

Фотомонтаж Б. Клинча

Реконструкция мостовых в „третьей империи."

КУТЯ

Станция — город Калязин.

Городок, который скоро затопят, когда закончат плотину, одну из великих плотин на Волге. Уровень городка слишком низок.

На станционном деревянном диване двое: пожилой человек, режущий ножичком чайную колбасу, и его собеседник. На полу небольшая собака.

И собеседник и небольшая собака внимательно смотрят, как пожилой человек отправляет в рот опрятные ломтики колбасы, предварительно прокусывая передними зубами кожицу и акуратно сдирая ее тусклую ленточку.

— Эта собачечка замечательная, — об'ясняет пожилой человек, — даром, что подмесь.

Он разумеет «помесь».

— За эту собаку мне бывшего фокстерьера давали—не взял.

— Как это бывшего фокстерьера? — спрашивает его собеседник.

— Так,— говорит пожилой.— Сперва чистокровный фокстерьер был, а потом и пошел и пошел в шерсть расти от плохого питания. Теперь за дворнягу бегает. Но хвост, как отрубили, не вырос.

— Какая же это подмесь?

Собеседник переводит подчеркнуто равнодушный взгляд с колбасы на собаку.

— Такция,— отвечает пожилой человек. — Замечаете, у нее передняя ножка вывернута? А родитель ее был лайка.

— Лайка? — рассеянно переспрашивает собеседник.

— Лайка! — повторяет немолодой.— Конечно, и в том полного убеждения нет,— сознается он,— потому что такция тоже неизвестно, с кем путалась. Сначала себя блюла, а потом, как ее хозяина из колхоза вычистили, так и пошла крутить и пошла.

Собака, часто моргая, посматривает всторону.

— Не любит! — подмигивая на собаку, говорит пожилой. — Как про ее мать начнешь говорить, ее точно ножом. Все понимает. Кутя! — четко командует он.

Собака повертывает к нему голову и моргает мельче и чаще.

— Кутя, кто твоя мать?

Собака молчит.

— Кутя!.. Кто твоя мать? Кутя, я спрашиваю... Кутя!..

Собака пригибается и скулит.

— А-а, каналья! — поощрительно говорит хозяин. — Не любишь!

Он смотрит на собеседника, потом отрезает наискось с четверть кружка колбасы, собираясь, повидимому, вознаградить Кутю за боль, причиненную ей намеком на беспутство ее матери-таксы.

Но затем овладевает порывом и, выкусив большую часть кружка, бросает собаке кожицу с узкой каемкой мяса.

— На тебе, лопай! Мы сейчас с тобой гражданину науку будем показывать. Кутя! Дай лапу, Кутя. Дай, говорят, лапу! Ну?! Лапу!..

Собака, возбужденная запахом колбасы, теряет на время способность отвечать на научные требования и только постукивает о половицу хвостом, пружиня поочередно лапами.

— Лапу! — кричит на нее хозяин и держит на весу жесткую руку.

Собака сует ему на удачу левую лапу.

— Правую подают, невежа! Не знаешь?!

Собака подает правую лапу.

— Хвалю,— говорит он собаке.

Он вытирает руку, которой прикасался к собаке, о бумагу из-под колбасы и потом снова завертывает колбасу в ту же бумагу.

Собака смотрит ему в глаза с выражением, которое означает: «На все воля ваша».

— Видали? — коротко спрашивает пожилой человек собеседника.

— Видал.

— Во всем так. Сознательнее человека. Человеку ты положи в рот чего-нибудь, он обязательно: гам! — и слопает.

Он снова развертывает колбасу.

Затем отхватывает себе новый кусок колбасы и, положив его в рот, начинает вдумчиво пережевывать.

— А вот собака, та на подобные крайности неспособна.

Он смахивает ножом с конца колбасы венчающий ее тугой узелок с веревочкой и, подержав его между указательным и большим пальцами, устраивает его на переносице у собаки.

— Тубо! — говорит он.

Зрачки собаки вонзаются в узелок, челюсть падает, но животное продолжает стоять, как каменное.

— Знает, что не свое,— наставительно говорит хозяин собаки. — Уважение к собственности. Так вся и изойдет слюной: по Павлову.

— Вы говорили: «В рот положи», а сами кладете на нос, — придирчиво говорит собеседник. — С носу то еще в рот стряхнуть требуется.

— И в рот мы, черед дойдет, ей положим, — успокаивает его владелец собаки.

Он берет узелок и перекладывает его в пасть собаки, грозно предупреждая:

— Тубо-о!

У Кути навертываются на глаза слезы.

— Да дайте вы ей его! — с досадой говорит собеседник.

— Нельзя,—говорит пожилой.—Узелки у меня для приманки, на крысу. А если желаете пса развлечь, возьмите в буфете сахару.

Собеседник колеблется между сочувствием к собаке и страхом затраты. Потом извлекает из глубины брюк леденец в бумажке и передает ее старшему. Старший берет узелок из пасти собаки, вынимая с ним ее душу, и, завернув его в бумажку из-под конфеты, кладет леденец в рот Кути.

— Тубо!

По лицу Кути движется судорога.

— Тубо-о! — притоптывает на него хозяин. — Правило держишь?

Он поднимает палец, гипнотизируя им собаку, и с расстановкой командует:

— Аз!.. Буки!.. Веди!.. Глаголь!.. Добро!.. Есть!!

Собака проглатывает конфету.

— Понятно? — многозначительно обращается к собеседнику хозяин собаки.

Он с удовлетворением прокатывает между пальцами узелок и опускает его в карман засаленного жилета.

Извлекая обратно палец, он роняет железнодорожный билет.

— До Кашина? — спрашивает собеседник.

— До Кашина.

Пожилой человек нагибается и поднимает с полу билет.

— Тьфу! — с досадой плюет он. — Никак занозил; под ноготь... Держи!— коротко говорит он вернувшей себе самообладание собаке.

Кутя берет билет в зубы.

— Во всем так, — обсасывая палец, говорит о собаке пожилой человек. — Не то что приказ, а всякую фальшь в человеческом голосе чувствует.

Он вытирает палец бумагой.

— Вчера жену спрашиваю (я на второй женат): «Куда,— говорю,— ты вчера в три часа бегала?» А она: «Тяв, тяв!» Это Кутя. «За керосином,—говорит,— бегала». «За керосином?»—спрашиваю. А она опять: «Тяв, тяв!» Дознался, а она не за керосином, а за физкультурником бегала. Там у нас пионерский лагерь стоит, так при нем физкультурники. Здоровый такой парнюга.

Пожилой человек рассудительно смотрит на свои парусиновые туфли.

— Ну, кото ж, думаю, из них бить? Женщину, думаю, нынче трогать не полагается. Физкультурника? Этот сам тебе с перевыполнением плана бока намнет. А все же не утерпел: ка-ак двину его ногой под ребро...

— Кого?—спрашивает собеседник.— Физкультурника?

— Нет, Кутю. Так тебе! — говорю.— Не подвертывайся... Помнишь, небось?.. Плут, шельма!

Кутя вздыхает и чешется ногой, не выпуская из зубов билета.

— Вот какая собака, — снова завертывая колбасу, говорит хозяин. — Без алфавиту куска не посмеет слопать... Аз... буки... веди... глагол... добро...

— Есть! — нечаянно вскрикивает собеседник.

— Гам!.. — собака, не подумав, проглатывает билет.

Пожилой человек ахает.

Собака смекает, что совершила что-то нодопустимое, и, отскочив, останавливается в дверях, при выходе на платформу.

— Стой! — нечеловеческим голосом кричит пожилой человек.—Стой! Отдай, шлюха...

Он топает ногой, как будто надеясь, что сотрясение половиц заставит билет выскочить из собаки.

Собака кидается вон.

— Держи!! — дико вопит хозяин.

Выскочив из дверей, он чуть не сбивает с ног начальника станции, который едва успевает крикнуть:

— Ты что?! Ошалел, что ли?

— «Ошалел»... Билет от меня убег!— бросает ему на ходу пожилой человек и бежит за собакой, словно между Кутей и им еще остается возможность сделки.

Его собеседник внимательно смотрит на брошенную впопыхах колбасу и, истолковав ее как имущество бесхозяйственное, опускает ее в карман брюк.

К станции подходит поезд.

— Город Калязин! — провозглашает начальник станции.

Городок с очень низким уровнем, который скоро затопит Волга.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ЛОРДА ПЛИМУТА.

КАВАЛЕРА ОРДЕНА СВ. ПРОЦЕДУРЫ

Бомба германского происхождения, разрываясь над испанским городом, перестает существовать. Поэтому она не может служить доказательством вмешательства. Ее уже нет. Странно, что люди не понимают простых вещей.

Спешу добавить, что, освобождаясь от бомб, Германия проводит практическое разоружение и демонстрирует свое франкофильство. Следовало бы приветствовать, а вот подите ж...

Более чем странно слышать, что Португалию сделали главной базой снабжения мятежников. Кто поверит, что найдутся такие простачки, чтобы возить ценные грузы при посредстве португальцев? Мы-то ведь их знаем, этих португальских дипломатов. Когда португальский посланник представитель Кармоны пожимает мне руку, я невольно начинаю потом пересчитывать пальцы: не прикарманил ли он парочку?

На французской границе нет больше Пиренеев. Один сплошной Рейн. Болдуин, правда, сказал, что граница Англии на Рейне, но, по счастью, не уточнил, на каком именно его берегу, так что у меня имеется свобода рук, чтоб проводить политику закрытых глаз.

Франко опроверг слухи о том, что он обещал отдать Германии Канарские острова в обмен за военную помощь. Действительно, станут они с островами мараться! По нашим сведениям, будет передано на корню все в совокупности: мулы, шпаги, границы, могилы, ртуть, аббаты — все, что уцелеет от Испании.

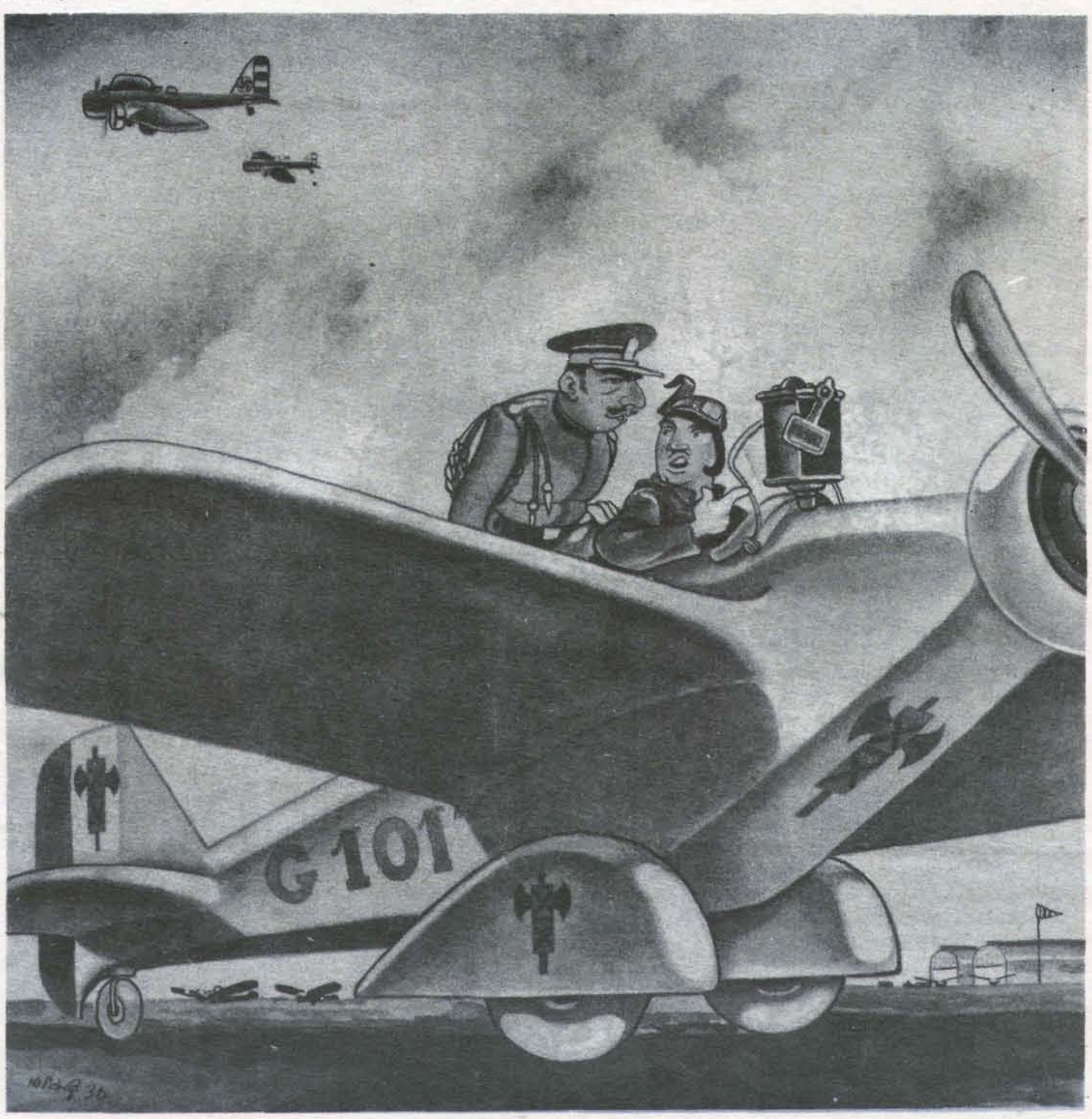
Наша процедура укрепляющим образом действует на Франко. Мои друзья уже заготовляют впрок линию британской политики на случай победы Франко. Не обходится без разногласий. Некоторые считают нужным перекупить Франко у Гитлера. Я лично не люблю иметь дело с людьми знающими себе рыночную цену. Экономнее посадить в седло новую хунту, например генерала Давилу. Очень показательная фамилия. С такой фамилией мало быть начальником генштаба.

Есть проблески здравого смысла и в испанской каше. Католическая печать требует окончательного искоренения астурийских горняков. А уголь, пишут, можно будет ввозить из Англии. Я всегда сам так думал.

Доставил В. ЯБЛОКОВ

БОМБОВОЗ СО СЧЕТЧИКОМ

Рис. Ю. Ганфа

ГЕНЕРАЛ ФРАНКО: — Сколько с меня?
ИТАЛЬЯНСКИЙ ЛЕТЧИК: — Пока только Балеарские острова.

УМНОЖЕНИЕ МНОГОЗНАЧНЫХ

Вечером Мария Павловна Акимова сказала своему семилетнему сыну:

— Вовочка, поди на кухню и посмотри, что делает Настя, почему она не подает чаю?

Вова, сразу преобразившись в грузовик, издавая гудки, побежал на кухню. Через две минуты обратно в лице Вовы вернулся уже не грузовик, но атакующая белых тачанка и зачастила пулеметным треском.

— Вова! Тише! Сил нет с этим ребенком!.. Был ты у Насти?

— Был...

— Я кому сказала: «Тише»?! Почему Настя не несет чаю?

— Тах-тах-тах-тах... потому что у нее задача не выходит... тах-тах-тах-тах-тах...

— Сию минуту перестань тарахтеть и пойди скажи Насте, пусть она придет сюда. Я посмотрю, какая у нее задача...

Тачанка двинулась обратно и тотчас же превратилась в самолет, для чего с обеих сторон выдвинуты были крылья, вновь загудел мотор.

Потом открылась дверь, и вошла домработница Настя. На подносе в настиных руках рядом с чашками и чайником лежали учебник в картонном переплете, тетрадь и карандаш.

— Ну, покажи, какая задача,— сказала Марья Павловна, помогая устанавливать посуду.

— Умножение многозначного на многозначное,— вздохнула Настя. — Вот 702 345 умножить на 7020.

— Ну и что ж? Записываем одно число под другим. Так. Нолью пять — ноль... Нолью четыре — тоже ноль... или четыре?

— Кто его знает,— снова вздохнула Настя.— Я уже сбилась. С самого обеда умножаю...

— И какие у вас трудные задачи задают!.. Дважды четыре — девять...

— Ох, восемь, Марья Павловна, дважды четыре — я еще помню — восемь.

— Я знаю. У меня был один в уме...

— Второй год обучения у нас, потому и трудно...

Вова раскрыл дверь, не отпуская ручку, вошел в комнату, прикрыл дверь и, все еще держась за ручку, заявил:

— Настя, это... как уж?.. ты запиши на задаче, что это... как уж?.. шестью шесть — тридцать шесть... нам сегодня в детсаду тетя Таня об'ясняла... Все-таки легче тебе будет с задачей...

— Ишь ты, ну спасибо, мальчичек...

Вова посопел у двери и тем же порядком ушел.

Мария Павловна подняла голову:

— Ну, у меня получилось 513 461 900. Может это быть? Хотя сейчас Николай Владимирович придет, он разберется...

— В чем Николай Владимирович разберется? — спросил муж Акимовой, входя в комнату.

— Задача у Насти. Мы уже сделали, только не знаем, как проверить.

Акимов положил портфель, переоделся в домашнюю куртку и заметил:

— Чему же вас учат на курсах?

— На моих курсах учат английскому языку,— вспыхнув, ответила Мария Павловна,— а Настя этого еще не проходила. Интересно вот, чему учат вас на ваших занятиях.

— В повышение квалификации врачей арифметика пока что не входит. У нас—медицинские науки и диамат...

— Диаматом особенно не задавайся. У нас тоже есть диамат.

— Вот как? — Николай Владимирович ехидно прищурился.—Может быть, ты мне скажешь: что такое монизм, и что такое дуализм?

— Про дуализм каждый знает: признание двух начал в природе. А вот что такое эмпириокритицизм?..

Настя опять вздохнула на этот раз очень громко:

— Значит, с задачей мне идти?

— Подожди, я решу,— сказал Николай Владимирович.

Но Мария Павловна, стуча в стену, перебила его:

— Куда уж тебе!.. Разве врачи арифметику проходят? Вот сейчас Пашка Кутырин придет на стук, он не врач, он студент, он и решит...

Дверь открылась, и вошел сосед, вызванный стуком.

— Сергей Петрович, это я вашего Пашу вызывала: надо Насте решить задачу...

— А какая задача? Может, я решу... Мы сейчас проходим арифметику.

— Позвольте, да разве вы учитесь?

— А как же. Нынешний год поступил у нас на заводе на рабфак без отрыву от производства. Какая задача-то?

Настя снова вздохнула и сообщила:

— Умножение многозначного на многозначное...

— Ну-ка, давайте... Значит, дважды пять — ноль, один в уме.

— Я уже держала его в уме, а все равно не вышло...

В дверь постучали.

— Войдите! — сказал Николай Владимирович — А! Анна Сергеевна!

Соседка приятно улыбнулась.

— Что это у вас так много народу?

— Задачу решаем Насте.

— Три в уме,— бормотал Сергей Петрович,— да 21 итого 4 и в уме — 2...— потом он оторвался от задачи и сказал: — Говорят, один выдающийся профессор-математик говорил, что самое трудное во всей математике—умножение многозначного на многозначное...

Соседка наклонилась над тетрадью.

— Интересно, какая задача. Мы сейчас как раз проходим...

— Что «проходим»? Да разве вы учитесь?

— Немножко. Я заочница. По радио. И мне моя Талечка помогает: она в четвертом классе, а мы сейчас что-то около третьего класса...

— У вас какой учебник по обществоведению?

— Волин и Ингулов. А у вас?

— И у нас,— радостно сказала Настя,— а грамматика у вас чья?

— Позвольте, товарищи,— взмолился Сергей Петрович,— вы меня сбиваете... Я уже не помню теперь, сколько у меня в уме было: 3 или 4...

Все перешли на шопот:

— В общем, смотрите, у нас в квартире все учатся.

— Это не только у нас в квартире, это всюду.

— Угу. Об этом даже в Конституции говорится.

— Ну да?

— А как же: статья 121-я. Можете посмотреть.

— Решил! — громко сказал Сергей Петрович,— получается... Вот...

В. АРДОВ

ЛОПАЙ, ЧТО ДАЮТ

Рис. А. Каневского

— Что есть хорошего у вас почитать?
— Всем вам подавай хорошее... Хоть бы кто-нибудь потребовал то, что есть в библиотеке.

ТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Рис. А. Каневского

— Для чего вам, дон Родриго, понадобился заграничный паспорт?
— Меня отправляют в глубокий тыл... в Берлин.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

ДВА ПРИКАЗА

1.

Начальнику станции Лиски
Текст ясный, четкий и суровый
(Что делает приказу честь):
«Уволить О. Д. Соколову.
Об исполнении — донесть.
Кто с дисциплиною не в дружбе,
Тому работы нет нигде!
Начальник пассажирской службы
ВОЙТОВИЧ.
Упр. Ю.-В. ж. д.».

2.

Проходит месяц — и суровый
Приказ рождается опять:
«Восстановить О. Соколову,
А с увольнителя — взыскать!
Прогул-то оплатить ведь нужно?
Читали Кодекс о труде?
Начальник пассажирской службы
ВОЙТОВИЧ.
Упр. Ю.-В. ж. д.».

3.

Платите же скорей, Войтович
милый!
Квитанций дубликат пришлите
Крокодилу,
И мы их поместим, о пламенный
борец,
Как самокритики реальный
образец!

НОВОЕ В БОРЬБЕ С БРАКОНЬЕРСТВОМ

29 сентября «Горьковская коммуна» напечатала грозное предупреждение Госохотинспекции о том, что охота на зайца разрешается только с 15 октября. «Виновные в нарушении данного постановления подвергаются уголовной ответственности по ст. 86-1 Уголовного Кодекса (штраф до 300 рублей или лишение свободы до 6 месяцев с конфискацией добытого)».

15 октября та же газета помещает ласкающий взгляд снимок с подписью:

«Четвертый день лежит снег. Наконец-то Григорий Кульков, кочегар ст. Вурнары, дождался выходного дня. Рано утром с приятелем-машинистом и его собакой Набатом Гриша вышел из поселка... Неожиданно тявкнул Набат. Гриша встал. Прямо на него, в двадцати шагах, бесшумно несся крупный заяц. Сухой, по-зимнему выстрел — и старый русак высоко поднят за задние лапы».

Не требуется быть знатоком газетного дела, чтобы понять, что в № от 15 октября может быть снимок, заснятый, во всяком случае, не позже 14 октября. То есть впервые в истории газетного дела «Горьковская коммуна» проявила высокую оперативность, не только сигнализируя о случаях браконьерства (охота разрешена только с 15 октября), но и, идя навстречу читателю, описала этот факт высокохудожественным стилем. Честь и слава редакции «Горьковской коммуны»!

ТАКСА НА МОРДОБОЙ

Расценки на это малоинтеллигентное времяпровождение введены сельским судом Юрьевского сельсовета, Щучьинского района, Северо-казахстанской области, в постановлении от 1 октября сего года:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1936 года 1 октября сельский суд Успенно-Юрьевского сельсовета, Щучьинского района, под председательством Лобанова Ф., заседателей Ловнна, Павла и Бабич Акима разобрали дело гражданки Скидановой Парасковьи за побои Михалец Марией и за оскорбление на словах девушки, что и сельский суд постановляет:

1. За побои Скидановой Парасковьи за четыре раза ударенных кулаком и два раза тележкой, за каждый удар по пять рублей, а всего тридцать рублей в пользу Скидановой Парасковьи обязана уплатить Михалец Мария. И за оскорбление на словах Скидановой Парасковьи Михальцем Егором и его женой Марией, что сельский суд постановил: наложить штраф по десять рублей, а всего двадцать рублей в пользу кассы взаимопомощи. Суд обжалованию не подлежит».

И очень жаль, что суд обжалованию не подлежит, а то можно было бы поспорить насчет дешевизны расценок, установленных им за оскорбление личности гражданина СССР. Но поскольку суд обжалованию не подлежит, хорошо бы его отменить и назначить новый, умеющий расценивать преступление с точки зрения советского уголовного кодекса.

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Помнишь ли ты в «Ревизоре» у Гоголя унтерофицерскую вдову, которая сама себя высекла? Она жива, эта вдова. Фамилия этой вдовы теперь Кузьмичев. До последнего времени Кузьмичев работал завотделом политучебы райкома ВЛКСМ в Ананьевском районе Молдавии. За развал работы сняли Кузьмичева и перекинули его замредактором районной газеты «Більшовицка перемога». А, попав в газету, Кузьмичев сейчас же написал в ней статью о собственных грехах по старой работе. Так и написал, что, дескать, развалена политучеба среди комсомола. Только фамилия развалившего работу Кузьмичева встречается один раз, да и то ввиде подписи автора статьи. В тексте статьи видны восклицательные знаки и другие имена.

Я бы рекомендовал замредактору Кузьмичеву вызвать к себе домой бывшего комсомольского работника Кузьмичева и поговорить с ним с глазу на глаз. Интересно, что Кузьмичев № 2 будет отвечать Кузьмичеву № 1 и не скажет ли бывший пропагандист замредактору:

— Напрасно ты, голубчик, делаешь вид, что тебя мои грехи не касаются. Все равно никто не поверит!..

В. БЕЛОВ

Тирасполь

●

Дорогой Крокодил!

Я предлагаю для удобства потребителей об'единить калининское аптекоуправление с Главспиртом. Не знаю, как в других местах, а у нас в Старице это об'единение принесло бы большую пользу населению. Дело в том, что в нашей аптеке никогда не бывает посуды для лекарств и людям приходится ходить за медицинской тарой в Главспирт. Это далеко и неудобно. Об'единив старицкую аптеку с местной лавкой Главспирта, можно легко устранить эту ненормальность. Тут же, в аптеке, не отходя от кассы, купил четвертинку, выпил, закусил, скажем, аспирином, в пустую посуду взял лекарства и пошел себе.

И. Иванов

г. Старица, Калининской области

●

Дорогой Крокодил!

О том, как телеграф искажает тексты телеграммы, ты писал очень много. Но все же я пишу тебе письмецо на эту тему потому, что наш случай из ряда вон выдающийся.

Мы послали нашему механику Ивченко в Харьков из Васильева такую телеграмму:

«Харьков почта 71 Востребования Ивченко Машина выезжает сегодня Цымбал».

Ивченко же получил такую трогательную телеграмму:

«Поздравляю мою Полин днем рождения Крепко целую выеду днями Борис».

Пора бы работникам связи одуматься и прекратить засыл чужих поцелуев неведомо куда.

Директор Васильевской МТС ЦЫМБАЛ

Васильево, Днепропетровской области

НАУКА И ТЕХНИКА

Отдел ведет засл. деят. наук М. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

САМОПИШУЩАЯ РУЧКА „ВЕЧНОСТЬ"

Многие купившие себе вечные ручки весьма этим недовольны.

Некоторые ручки не держат чернил. Другие ручки, наоборот, до того держат, что из них ничего не течет и никакой письменности не получается.

Многие ручки опять-таки не набирают чернил. Другие же, набрав чернила, выпускают их в карман. Третьи ручки надо встряхивать как градусник, чтоб они немножечко писали.

В общем вечные ручки не оправдали возложенных на них надежд.

Действительно, конструкция их сложна и требует особых физических и химических условий.

Может быть, внести некоторые изменения, если на то пошло? Может быть, несколько упростить принцип ручки?

Предлагаем вашему вниманию самопишущую ручку, конструкция которой может опрокинуть все по сих пор сделанное в этой области.

Из пузырька (см. рисунок) идут два шланга или, говоря научно, две кишочки. Один шланг поступает в ручку. Другой шланг держатель ручки добровольно принимает в рот и, слегка подув, получает строго научный эффект. Чернила равномерно подаются из пузырька в другой шланг, и ручка начинает писать все, что пожелает счастливый владелец вещи.

Единственный минус нашего изобретения — это то, что пишущий не должен вдыхать в себя воздух. В противном случае чернила могут проникнуть во внутренность, что может нарушить их правильную работу.

Наша ручка названа «Вечность» в полном значении этого слова, а не как название бюро похоронных процессий.

МОДЕЛЬНАЯ КРОВАТЬ „СОЛИДАРНОСТЬ"

Большое количество недоброкачественных кроватей создало известное замешательство в этом деле.

Ножки и спинки кровати, как правило, остаются на высоте и отчасти выполняют свое назначение. Что же касается сетки, то тут остается многое желать лучшего.

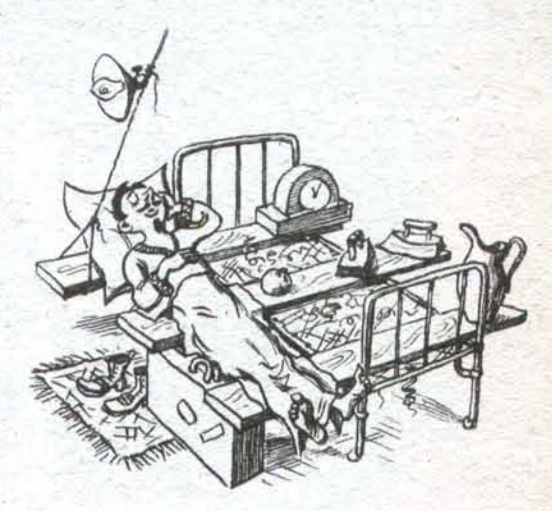
Сетка, как привило, чрезвычайно быстро продавливается и уже после второго спанья не держит клиента на своей поверхности.

Затронутый нами вопрос с исключительной яркостью освещен на страницах этого номера в актуальном и сочном фельетоне «Спи скорее».

Какой же выход мы можем предложить держателям бракованных кроватей? Неужели же из-за какой-то дурацкой сетки выбрасывать кровать и покупать новую? Неужели же современная техника не может придти на помощь?

Научная мысль постоянно движется вперед и в данном случае позволяет использовать недоброкачественную кровать согласно требованию избалованной публики.

Под сетку втыкается ряд обыкновенных досок, на которые культурно ложится желающий немного поспать. Отсутствие ножек под спящим создает гигиенические условия для беспрепятственной циркуляции воздуха.

Чтобы спящий, согласно закону Бином Ньютона, не перевешивал своим тяготением к земной поверхности, рекомендуется с другой стороны кровати устроить противовес, куда можно будет положить что есть под рукой, а также яблоки, как почему-то советовал гениальный ученый Б. А. Ньютон.

Если же личность лежащего интеллекта неполноценна, то тоже можно будет укрепить шпагатом, как это показано на рисунке.

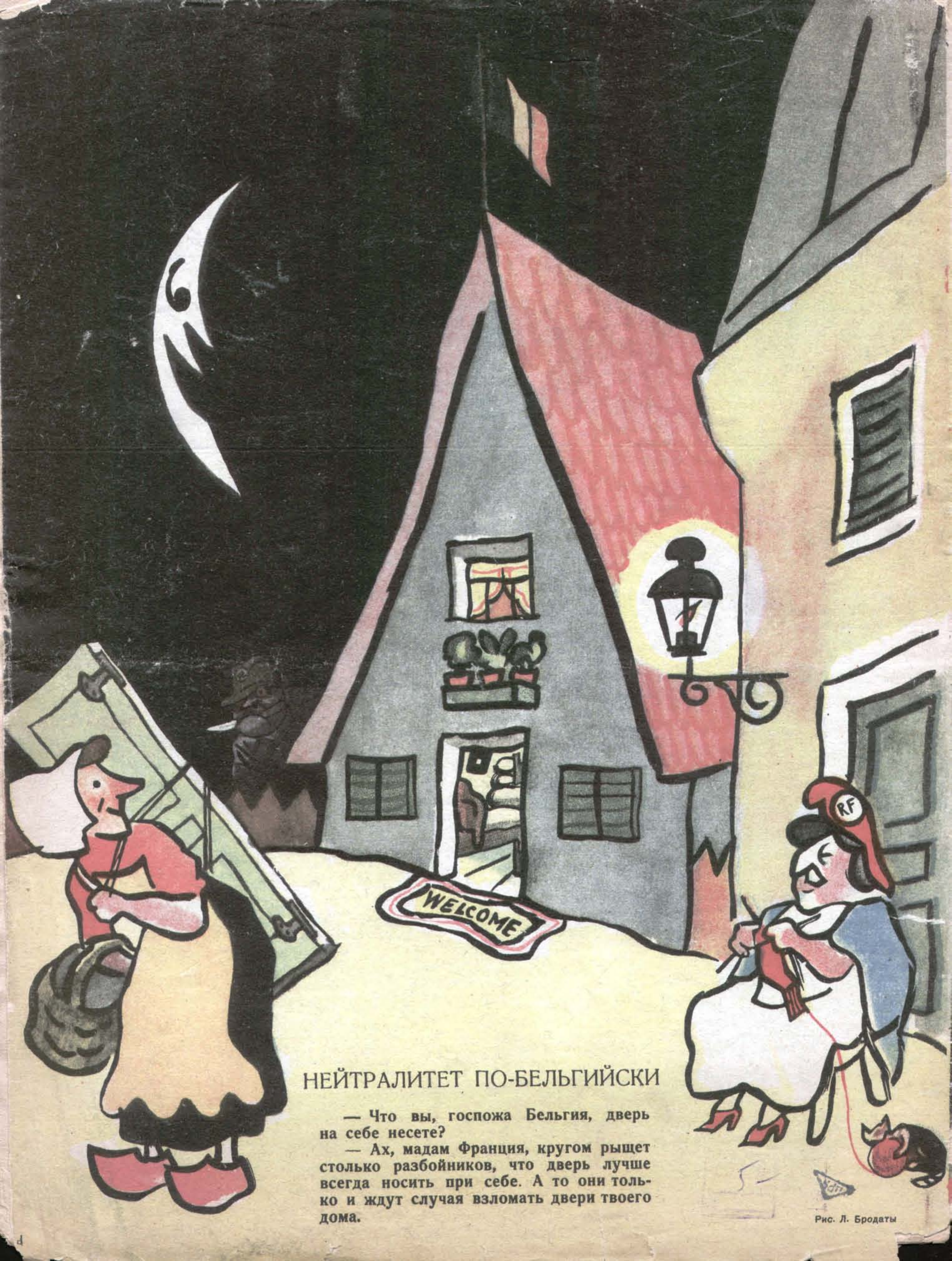
Вообще, как утверждает медицина, человек половину своей жизни проводит в кровати, так что лица, не дооценивающие значение оной, плетутся в хвосте событий.

С коммерческим приветом
засл. деят. М. КОНОПЛЯННИКОВ-ЗУЕВ

Редактор—МИХАИЛ КОЛЬЦОВ Редколлегия: Л. ЛАГИН, А. НАЗАРОВ, Л. РОВИНСКИЙ Рукописи не возвращаются
Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды", 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 7 час. Подписная цена на журн. 1 р. 20 к. в месяц
Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда"

Москва. Изд. № 1069 Сдача текста и рисунков 3 XI—36 г. Подп. к печати 15 XI—36 г. Статформат 72×105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоченный Главлита Б—32028 Типография газ. „Правда" им. Сталина, Москва, ул. „Правды", 24. Заказ № 2312 Тираж 266 000

НЕЙТРАЛИТЕТ ПО-БЕЛЬГИЙСКИ

— Что вы, госпожа Бельгия, дверь на себе несете?

— Ах, мадам Франция, кругом рыщет столько разбойников, что дверь лучше всегда носить при себе. А то они только и ждут случая взломать двери твоего дома.

Рис. Л. Бродаты